УДК 327(770+571): 327.7

Штурба Евгений Викторович

доктор исторических наук, доцент Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

**УЧАСТИЕ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.
И ВОПРОС ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ**

В статье рассмотрен новый подход российского руководства второй половины 1990-х гг. в области внешне-политической интеграции и сотрудничества с международными организациями. На основе анализа фактических и документально зафиксированных данных объясняются причины перевода внешней политики страны в многовекторное русло и ее диверсификации. Дана авторская оценка попыткам интегрирования России в многополярный мир и роли в этом процессе международно-сотрудничества.

Ключевые слова: международные организации, внешняя политика, диверсификация, многополярный мир, расширение НАТО, интеграция.

Shturba Yevgeny Viktorovich

Doctor of History, Associate Professor of
Kuban State University
editor@hist-edu.ru

**RUSSIAN PARTICIPATION IN
INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
ACTIVITIES IN THE SECOND HALF OF THE
1990S AND THE ISSUE OF THE COUNTRY'S
NATIONAL SECURITY PROTECTION**

The article considers the new approach of the Russian government in the sphere of foreign integration and cooperation with international organizations in the second half of the 1990s. Based on the analysis of factual and documentary proved data the reasons for the transfer of the country's foreign policy into multi-vector direction and its diversification have been explained. The author's evaluation of the attempts of Russia to integrate into multipolar world and the role of international cooperation in this process has been given.

Key words: international organizations, foreign policy, diversification, multipolar world, NATO expansion, integration.

С 1996 г. в российской внешней политике начались глубокие изменения. В значительной степени они были связаны с назначением на пост министра иностранных дел России Е.М. Примакова. С этого времени система национальных интересов приобрела стабильные и сбалансированные качества, не только потому, что политика России стала более предсказуемой, но и потому, что внешняя политика стала многовекторной, стала больше учитывать национальные интересы страны в условиях новой мировой действительности.

В основе нового подхода к российской внешней политике лежал серьезный пересмотр стратегических приоритетов государства. Главным и безусловным таким приоритетом стало достижение устойчивого и высокого экономического роста, а для этого был взят курс на разумную интеграцию России в мировую экономику, поскольку без такой интеграции долгосрочный и устойчивый рост невозможен.

В этой ситуации еще одним принципом российской дипломатии стала линия на максимально возможное избегание конфронтации, особенно со странами и регионами, от которых зависит ее экономическое развитие. Москва заявила о своем намерении завоевать позиции в мире будущего [1, с. 3-5].

Наряду с этим, как отмечают европейские исследователи, серьезные политики в США и в Западной Европе постепенно начали осознавать, что у мира, и особенно у Европы, альтернативы сотрудничеству с Россией нет при любых обстоятельствах [2, р. 148]. Это можно было бы охарактеризовать как начало давно назревшего прорыва к реализму, который до этих пор был, к сожалению, не очень характерным для отношения Запада к России. Тенденция к более реалистическому восприятию российских возможностей и потребностей начала укрепляться, и, соответственно, появилась возможность говорить о новой – прочной, надежной и долговременной основе сотрудничества [3, р. 37-39].

Глава российской дипломатии высказался за «диверсификацию» российской внешней политики в пользу «развития хороших отношений» с арабскими странами, Израилем, Ираном, Индией и Китаем.

В контексте предпринятого исследования важно особо подчеркнуть, что Е.М. Примаков выступил в качестве самого активного и убежденного сторонника идеи приоритетного значения «восточного» вектора внешней политики Москвы. Еще в советский период он являлся последовательным сторонником развития отношений СССР с арабскими странами, особенно в контексте глобального противостояния с Западом. В первой половине 1990-х Примаков считал необходимым сохранить тесные отношения с этими странами, в знак независимого курса российской

внешней политики. К тому же к аргументации геополитического характера добавились и доводы национальной безопасности. Министр подчеркивал, что прочные позиции Москвы на Ближнем Востоке позволят ей лучше контролировать ситуацию на южных рубежах СНГ [4].

В соответствии с концепцией многополярного мира, выдвинутой во второй половине 1990-х гг., МИД и российское правительство не только отвергали все экстремальные концепции изоляционизма, но стремились к созданию международной модели баланса сил [5].

По этой концепции формирование независимых друг от друга центров силы должно было происходить на двух уровнях. Считалось, что на первом уровне находятся США, Европа и Япония, а на втором Китай, Бразилия и Индия. Позиции России на международной арене, по мнению А.К. Пушкова, могли укрепляться в зависимости от ее роли как международного «балансира» [6].

Для России в таких условиях крайне необходимым представлялось правильно сориентироваться, изменить свой внешнеполитический курс, отказаться от внешней политики, которая проводилась в начале 1990-х гг. и была полностью ориентирована на Запад и США. Была осознана потребность в развитии отношений с остальными региональными центрами силы, и даже с теми государствами и в тех областях, которые вызывали неудовольствие Запада.

Доктрина многополярного порядка требовала проведения динамичной мновекторной политики, и хотя один из важных принципов ее проведения – соблюдение равновесия интересов при решении любых спорных ситуаций в мире, все-таки главной задачей оставалась нейтрализация проявления любых гегемонистских тенденций при построении нового международного порядка.

По мнению Е.М. Примакова, к середине 1990-х гг. возникли большие поля общих интересов между Россией и другими странами-членами международного сообщества [7]. Хотя к тому времени еще не завершился процесс определения национальных интересов России.

Внешние обстоятельства в свою очередь стали благоприятствовать в 1996–1997 гг. формированию фундамента сбалансированного, открытого курса. Запад в ответ на положительные сдвиги в России (прекращение войны в Чечне, оживление реформенного процесса) пошел навстречу требованиям и пожеланиям Москвы. В начале 1996 г. Россия была принята в Совет Европы. При этом негативно оценивая расширение НАТО на восток, Россия, тем не менее, не возражала против принятия новых членов в Европейский союз.

В мае 1997 г. НАТО подписала с Кремлем «Основополагающий акт о взаимных отношениях сотрудничества и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора» (27 мая 1997 г.). Существенно, что для рассмотрения жизненно важных аспектов европейской стабильности появился совместный постоянный Совет, закрепивший размещение на постоянной основе боевых сил НАТО вблизи России и ядерного оружия на территории стран-претендентов. Естественно, реализация положений Основополагающего акта внимательно отслеживалась. Вместе с тем этот документ не нес решения всех беспокоивших Россию проблем. Поэтому не снималось отрицательное отношение России к расширению

НАТО на Восток.

Вскоре Россию пригласили присоединиться в качестве равноправного члена к «большой семерке» наиболее развитых стран мира. Прогресс был достигнут в области экономического партнерства: Россия вступила в Парижский и Лондонский клубы банкиров, МВФ увеличил финансовые вливания в российскую экономику, возрос поток зарубежных инвестиций.

Как известно, начало преобразованию «семерки» в «Группу восьми» было положено в ходе Неапольского саммита в 1994 г., когда Россия впервые полноценно участвовала в политической части дискуссии. Постепенно внутренние преобразования в нашей стране вывели сотрудничество с «семеркой» на качественно новый уровень: от участия российских экспертов в деятельности отдельных рабочих групп до формирования полноценной «восьмерки», завершившегося на саммите в Бирмингеме в мае 1998 г. Тогда Россия впервые участвовала в подготовке и обсуждении всех вопросов повестки дня.

Атмосфера разрядилась настолько, что во второй половине 1997 г. Б.Н. Ельцин уже давал превосходную оценку состоянию отношений РФ с ведущими западноевропейскими странами. Нужно признать, что для этого у него были веские основания. Так, 1 декабря 1997 г. экономическое взаимодействие с Европой было юридически закреплено договором о сотрудничестве России и ЕС. Вступление в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, имевшего своей целью создание благоприятных рамочных условий для взаимовыгодного сотрудничества между двумя сторонами, заложило фундамент равноправных отношений России с Евросоюзом (срок его действия истек в 2007 г.). Нужно отметить, что со времени подписания соглашения в политической сфере были достигнуты заметные успехи. Евросоюз поддержал вступление России во Всемирную торговую организацию. А 27 апреля 1998 г. Совет Европейского Союза принял реше-

ние о распространении на Россию антидемпинговых процедур, применяемых к странам с рыночной экономикой [8].

В итоге, в целом, отношения между Россией и Европой развивались по восходящей. Неуклонно рос объем товарооборота между двумя сторонами, увеличивался объем капиталовложений западноевропейских стран в экономику России.

Важное место во взаимоотношениях между ЕС и Россией заняла Программа технического содействия Содружеству Независимых Государств (ТАСИС), разработанная и реализованная в самом начале 1990-х гг. Она была призвана содействовать использованию в России и других странах СНГ новейших западных технологий. В рамках этой программы ЕС в 1991-1999 гг. России была предоставлена техническая помощь в размере более 2,2 млрд евро для реализации более чем 1500 проектов [9].

Серьезные дипломатические успехи были достигнуты и на других направлениях. В частности, перед Москвой открылись двери в Организацию Азиатско-тихоокеанского сотрудничества, в ноябре 1997 г., благодаря усилиям России было предотвращено очередное кровопролитие между США и Ираком [10, с. 571-573].

Заметно активизировалось участие российских представителей в международных парламентских организациях, что оказывает немалое влияние на внешнеполитический курс. Например, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации в составе объединенных делегаций получили право участвовать в работе парламентских ассамблей Совета Европы, ОБСЕ, УЭС и т.д. Представители Федерального Собрания РФ в качестве наблюдателей стали участвовать в работе парламентских форумов Западноевропейского союза, Североатлантической ассамблеи, АСЕАН и т.д. При этом Федеральное Собрание координировало парламентские связи с МИД, строило их с учетом концепции внешней политики РФ.

Со своей стороны, как позже напишет Е. Примаков, российское руководство избрало двойную стратегию: «не сходить с позиции негативизма в отношении НАТО и одновременно вести переговоры, дабы минимизировать ущерб от такого расширения» [11, с. 246]. Однако каких-либо конкретных шагов в этом направлении российским руководством не осуществлялось.

Наиболее значительное обострение международных отношений произошло в конце марта 1999 г., когда НАТО приступило к бомбежкам Югославии из-за событий в Косово. Сербия – геополитический и исторический союзник России – обвинялась в жестоким подавлении выступлений албанских сепаратистов. Почти все российское общество возмутилось действиями натовцев.

Кремль резко осудил их как грубое нарушение Устава ООН и принципов международного права, как попытку НАТО диктовать свою волю суверенным государствам, играть роль мирового жандарма. Подчеркивалось также, что грубой силой не урегулировать межэтнический конфликт, что, напротив, бомбардировки приведут к его разрастанию, дестабилизации ситуации на всем континенте. Российская оппозиция организовала анитатовские митинги, стала требовать поставок в Югославию оружия, агитировать молодежь направляться на Балканы для оказания помощи «братьям-славянам», зазвучали призывы вновь нацелить ракеты на натовские страны и т.д.

Весьма резкая реакция России на балканский кризис явилась, как представляется, результатом осознания российской элитой того факта, что баланс сил в мире самым решительным образом изменился не в пользу Москвы. Достигнутый в 1996-1997 гг. во властных структурах консенсус относительно сбалансированной внешней политики базировался на признании того, что Россия будет оставаться самостоятельным и мощным центром силы на мировой арене. НАТОвская экспансия оценивалась крайне жестко: «Вашингтон окончательно вознамерился командовать человечеством, ничуть не считаясь с мнением Москвы. Что еще хуже, американцы осмелились напасть на страну, пользующуюся особым расположением России и повинную в одинаковых с нами «грехах» – подавлении сепаратистов внутри собственных границ» [12, с. 505].

Таким образом, как обобщенно отметил А.И. Уткин, после нескольких лет непрерывного «да» Россия стала говорить Америке и странам Запада «нет» на международной арене [13, с. 349]. Расхождения в национальных интересах обозначились не только в политической, но и во внешнеэкономической сфере. С американской точки зрения российское оружие продавалось во многом «не тем странам». Такими сделками, как обязательство построить АЭС Ирану, Россия, по мнению Госдепа, нарушала американское видение режима нераспространения. Москва заняла самостоятельную позицию в югославском кризисе. По мнению Вашингтона, объединительные стремления части российских политиков, например с Белоруссией, также грозили суверенитету «ближнего зарубежья», восстановлением параметров прежней сверхдержавы.

Несмотря на эти тенденции, МИДу России удалось избежать новой холодной войны, и к концу 1990-х гг. внешняя политика приобрела черты гибкости. Потребности внутреннего развития

оказывали известное влияние на линию поведения российских властей на мировой арене. Например, в разгар бомбардировок Югославии Москва, с одной стороны, объявила о приостановлении всех контактов с НАТО, а с другой – провела переговоры с МВФ и получила от него очередную финансовую помощь. Страна нуждалась в современных технологиях, инвестициях и товарах. Власти не могли не понимать, что без использования внешнего фактора экономика будет развиваться недостаточно интенсивно. Основное отличие с первоначальной стратегией демократов начала 1990-х гг. заключалось здесь в том, что российское правительство стремилось сотрудничать не только с Западом, но в равной степени и с другими партнерами.

К концу 1990-х гг. одним из мотивов внешнеполитической деятельности стала обеспокоенность обеспечением национальной безопасности. Под влиянием югославских событий усилилось ощущение, что если Россия отстанет в военном отношении от ведущих держав, то превратится в объект манипуляций и запугивания. Возросла озабоченность исключения Москвы из жизни Европы. Подобные настроения, подхлестываемые активностью НАТО, не ограничивались рамками радикального лагеря и охватывали в той или иной степени все российское общество. С точки зрения большинства политически активных россиян, курс НАТО мог привести к новому расколу континента.

Стремление России отстаивать свои национальные интересы по-своему оценивалась западными, прежде всего, американскими стратегами и специалистами по внешней политике. Представители идеологического подхода (П. Редуэй, Р. Стаар, Р. Пайпс, Э. Лутвак, У. Лакер), трудности в решении российской проблемы видели в цивилизационных различиях. Их базовой идеей являлся тот постулат, что «целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО была также защитницей Запада от Востока, а говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идеи западной цивилизации» [14, с. 561]. Джеймс Курт говорил о тесном взаимодействии между идеей Западной цивилизации, жизненными интересами США и членством в Атлантическом альянсе. Вполне очевидно, что с этой точки зрения Россия была не потенциальной частью Запада, а потенциальный его противник. Это подтверждает и не очень успешный внешнеполитический опыт 1990-х гг.

Отстаивание национальных интересов включило Россию в международную конкуренцию. Однако только к концу 1990-х гг. правительство приступило к последовательной защите отечественных производителей от мощной иностранной конкуренции. Предпринимались попытки положить конец бегству из России капиталов и бесконтрольному вывозу ценных ресурсов, преодолеть дискриминацию российских изделий на мировом рынке. При этом борьба вполне сочеталась с сотрудничеством, и сотрудничество порой преобладало. Например, на долю Европейского Союза приходилось 40% российской внешней торговли и примерно 2/3 иностранных инвестиций в Россию [15, с. 162].

В целом к концу 1990-х гг. российское руководство трезвеет. Появившаяся в 1997 г. Концепция национальной безопасности, разрабатывалась в условиях относительно благоприятного внутреннего и международного положения Российской Федерации. События, последовавшие в 1998-1999 гг., создали необходимость внесения дальнейших корректив в представления о приоритетах национальной безопасности. Закономерный итог – на октябрьском саммите 1999 г. Европейского Союза в Хельсинки Россия представила новую правительственную программу развития своих отношений с Союзом, в которой приоритетами были объявлены взвешенность и отказ от намерения вступить в ЕС в обозримой перспективе [16].

В.В. Путин, занявший пост и.о. президента Российской Федерации 31 декабря 1999 г., существенно изменил ситуацию, возглавив дипломатические усилия нашей страны, вникая во все тонкости международной политики. В.В. Путин подошел к разработке внешнеполитической стратегии России, что равнозначно стратегии выживания, более основательно. Твердость, последовательность, наличие собственного видения национальных интересов, собственные позитивные программы и цели для достижения, а не реактивная внешняя политика, идеологически зашоренная и импульсивная, стали жизненно важными для России.

Внешняя политика России стала более прагматичной. В первую очередь это означало реальную оценку международных обстоятельств и возможностей страны, с тем, чтобы в полной мере защитить интересы России на международной арене, обеспечить наиболее благоприятные внешние условия для решения внутренних задач.

Главными чертами внешней политики России под руководством Владимира Путина можно назвать преемственность и последовательность. При этом, судя по всему, он видел необходимость преемственности не только по отношению к курсу Б.Н. Ельцина, но и во многом – к совет-

ской дипломатии. Однако Президент В.В. Путин, в отличие от национал-патриотов, оказался достаточно критичен в отношении наследия СССР. В частности, он называл бессмысленной былую конфронтацию двух систем, результатом которой стало «перенапряжение военных сил двух блоков и... пустая трата ресурсов, накопление оружия сверх всякой меры» [17].

В то же время в отличие от либералов он не собирался полностью перечеркивать советский период, считая правильным создание организации Варшавского договора, оценивая этот факт как закономерный ответ на действия НАТО. Вместе с тем Путин решительно оставлял «холодную войну» в прошлом, считая, что Россия уже избавилась от того, что с ней связано. Ее окончание, наряду с устранением угрозы крупномасштабной ядерной войны, ускорением глобализации, он называл в числе основных позитивных изменений в мире за прошедшее десятилетие [18, с. 11-12].

Оценивая место и роль России в современном мире, с одной стороны, В.В. Путин считал завершенным процесс формирования новой, постсоветской идентичности страны и видел возможность исполнения ею роли одного из ведущих мировых игроков: «Россия, уже давно не урезанная карта СССР, а самостоятельное государство, самодостаточное, приобретает все большую и большую уверенность в себе». С другой стороны, он не пребывал в плену великодержавных иллюзий: «Россия переживает один из самых трудных периодов своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200-300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира» [19].

Путин особо подчеркивал необходимость соблюдения базовых международно-правовых принципов, среди которых выделял суверенное равенство государств, неприменение силы, уважение прав и свобод человека, невмешательство во внутренние дела. Что же касается институциональной основы поддержания миропорядка, то президент изначально высказывался за «согласованные механизмы управления мировыми процессами, которые бы органично сочетали и национальные, и международные усилия» [20, с. 5]. Среди таких механизмов на первый план он ставит ООН и ее Совет Безопасности, считая необходимым усиливать их влияние и возможности.

Перспектива развития российско-американских отношений в рамках партнерства была весьма отдаленной и требовала от обеих сторон политических усилий по преодолению недоверия друг к другу и налаживанию конструктивного взаимодействия.

В июне 2001 г. в Любляне состоялась первая российско-американская встреча на высшем уровне между Дж. Бушем-младшим, в качестве президента США, и президентом России В.В. Путиным. Еще до этой встречи президент Дж. Буш, выступая в Национальном университете обороны, заявил, что Россия и США не являются противниками, не угрожают друг другу, а вполне могут быть союзниками. Важным итогом этой встречи стало установление хороших личных отношений между президентами России и США [21]. После встреч президентов двух стран в Любляне и Генуе в июне и июле 2001 г. произошла некоторая корректировка политики США в отношении России, признававшая необходимость сотрудничества в решении международных проблем.

События 11 сентября 2001 г. дали мощный позитивный толчок в направлении развития российско-американского партнерства.

Впервые после II Мировой войны Россия и США оказались в коалиции против общего врага в лице международного терроризма, что, безусловно, сильно сблизило обе страны. В США высоко оценили поддержку России и то, что В.В. Путин был первым из зарубежных руководителей, позвонившим президенту Бушу с выражением соболезнований американскому народу и предложившим помощь в борьбе с террористами.

Российским президентом было принято решение – оказать содействие в размещении американских войск и вооруженных сил стран альянса на территории бывших советских военных баз в Центральной Азии (в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии). Никогда еще за всю историю XX в. американские войска не стояли так близко от российских границ. Уже эти действия свидетельствовали о твердых намерениях России пойти на союз с Западом.

Однако новая внешнеполитическая стратегия России не до конца учитывала фактор значительной активизации внешнеполитической активности США и НАТО. В частности, это убедительно доказало нападение США на Ирак 19 марта 2003 г.

Тотчас же после начала военных действий президент РФ В.В. Путин четко определил позицию России по этому конфликту, заявив: «Никакой необходимости в военных действиях не было для ответа на главный вопрос, поставленный мировым сообществом: есть или нет в Ираке оружие массового уничтожения. К моменту начала операции Ирак не представлял никакой опасности ни для соседних государств, ни для других стран и регионов мира. ...Если мы допустим,

чтобы на смену международному праву пришло кулачное право, согласно которому сильный всегда прав, имеет право на все, а при выборе средств для достижения своих целей ничем не ограничен, тогда под вопрос будет поставлен один из базовых принципов международного права – принцип неизблемости суверенитета государства. И тогда ни одна страна мира не будет чувствовать себя в безопасности» [22].

После этого официальную позицию России обозначал глава МИД И. Иванов, предпочитая делать это в жестких антивоенных тонах. Заверяя мир в том, что Россия «проголосует в ООН против второй резолюции по Ираку», он, однако, ни разу не упомянул словосочетание «Россия наложит вето». И, тем не менее, между Москвой и Вашингтоном возникла словесная дискуссия на весьма повышенных тонах. Посол США в Москве А. Вершбоу пытался оказать нажим на Кремль и пригрозил России осложнением отношений с США, если она применит вето.

Российские эксперты даже традиционно проамериканской ориентации были вынуждены публично критически оценить высказывание посла. При этом однако, уже в начале апреля В.В. Путин на встрече в Тамбове с региональными журналистами, отвечая на вопрос корреспондента «Известий», заявил: «По политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении Соединенных Штатов. Мы заинтересованы в том, чтобы перенести решение этой проблемы на площадку ООН» [23].

В итоге, в то время как в России распространялась концепция «нового мышления», страны Запада интерпретировали итоги «холодной войны» как российскую геополитическую капитуляцию. В период 1991 – 1994 гг. лидеры ведущих государств Европы и США стали проводить стратегию «нового сдерживания» России посредством расширения НАТО на Восток и поспешили закрепить российские внешнеполитические уступки в качестве своих геополитических приобретений.

Общие итоги развития международных отношений в 1990-е гг. показали, что коммунистическая идеология была не единственным препятствием в западной внешней политике. Освободившаяся от коммунистической идеологии демократическая Россия не ощутила изменения отношения, не была принята в главные западные организации. Более того, с января 1994 г. НАТО начинает приближаться к границам уже не коммунистической, а демократической России. Поэтому, хотя крах коммунизма привел к распаду СССР и утрате Россией своих позиций в мире, в том числе в исследуемом регионе, конфронтация новой демократии с Западом, в принципе, сохранилась.

Вследствие весьма серьезных разочарований иллюзии российских западников начали рассеиваться, а на российской внешнеполитической арене появились новые тенденции. После 1993 г. в интеллектуальных кругах начали преобладать проевразийские тенденции в формировании внешнеполитической доктрины России. В итоге, после назначения Е.М. Примакова на пост министра иностранных дел России в 1996 г. во внешней политике страны произошли глубокие изменения. Система национальных интересов приобрела стабильные и сбалансированные качества. Доктрина многополярного порядка требовала проведения динамичной многовекторной политики, и хотя один из важных принципов ее проведения – соблюдение равновесия интересов при решении любых спорных ситуаций в мире, все-таки главной задачей оставалась нейтрализация проявления любых гегемонистских тенденций при построении нового международного порядка.

Достигнутый в 1996 – 1997 гг. во властных структурах консенсус относительно открытой, сбалансированной внешней политики в целом сохранился и после 1999 г. В то же время, стремление России отстаивать свои национальные интересы подразумевало выстраивание отношений максимально тесного сотрудничества не только с соседями по СНГ, но и с другими государствами, в том числе, странами НАТО. Одним из ведущих мотивов внешнеполитической деятельности российского руководства при этом стала обеспокоенность обеспечением национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о новых приоритетах внешнеполитического курса России, а также о концепции многополярности см.: Пресс-конференция министра иностранных дел Е.М. Примакова 12 января 1996 г. // Дипломатический вестник. 1996. № 2.
2. *Mouritzen H.* Bordering Russia: Theory and prospects for Europe's Baltic Rim. Brookfield, 1998.
3. *Cooper L.* Russia and the World: new state-of-play on the international stage. Basing stock, 1999.
4. См.: *Примаков Е.М.* Международные отношения на пороге XXI века: проблемы и перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.

5. См.: Федоров Ю.Е. Внешняя политика требования науки и опасные игры // Евразия. М., 1998. № 4.
6. Пушков А.К. Для России оптимальным было бы равновесие положение между основными центрами силы. // Международная жизнь. 1998. № 3.
7. Примаков Е.М. Россия: реформы и внешняя политика // Международная жизнь. 1998. № 7.
8. ТА Государственной Думы ФС РФ.
9. ТА Министерства иностранных дел РФ.
10. Хронология событий (1989-1999 гг.) // Современные международные отношения. М., 2000.
11. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999.
12. Современные международные отношения. М., 2000.
13. Уткин А.И. Мировой порядок XXI в. М., 2000.
14. Kurth J. NATO Expansion and the Idea of the West // Orbis. Fall 1997.
15. Внешняя политика Российской Федерации 1992-1999 гг. М., 2000.
16. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 годы) // Современная Европа. 2000. № 1.
17. См.: Владимир Путин: разговор с Россией. Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации» («Первый канал», телеканал «Россия», радио «Маяк», «Радио России»), 19 декабря 2002 г. М., 2003.
18. См.: Путин В.В. Из послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (Россия - один из самых надежных гарантов международной стабильности) // Дипломатический вестник. 2002. № 5.
19. Там же.
20. См.: Выступление В.В. Путина на Московском заседании Группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку 1 февраля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 3.
21. URL: <http://www.echo.msk.ru/interview/interview/1923.htm> (дата обращения 23.12.2011).
22. Аргументы и факты. 2003. № 13.
23. Известия. 2003. 4 апреля.